

Наталья Антонова

Фурия
XXI ВЕКА

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Фурия XXI века
Серия «Уютный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63101822

Фурия XXI века: [роман] / Наталья Антонова: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-116702-8

Аннотация

Тоня Духанина, единственная дочка владельца сети продуктовых магазинов, выходит замуж по любви. Но, увы, счастье оказалось недолгим – ее жених Анатолий Мерцалов убит во время медового месяца, его выбросили на ходу из собственной машины. Сначала подозрение полиции и следователя Александра Наполеонова падает на конкурентов отца жениха, которых тот безжалостно разорил. Но мать убитого не верит этому и нанимает частных детективов Мирославу Волгину и Мориса Миндаугаса. Они выясняют, что погибший был большим любителем женщин и отличался непостоянством, так что нажил много врагов и в лице брошенных женщин, и их женихов и мужей...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	36
Глава 4	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Николаевна Антонова Фурия XXI века

© Антонова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

Набережная была залита ярким солнечным светом, но пока еще не припекало, лето только начиналось. В фонтанчиках плескались розовые, алые, золотистые блики, точно экзотические рыбки.

– Как хорошо! – выдохнул Александр Наполеонов и посмотрел на свою подругу Мирославу Волгину.

Он чувствовал сегодня себя вдвойне счастливым. Во-первых, благодаря солнечному воскресному дню, а во-вторых, потому что воскресенье на самом деле оказалось выходным днем. Сотовый благоразумно молчал, не пытаясь выдернуть Шуру из блаженного состояния расслабленного отдыха.

Такое счастье выпадало на долю Наполеонова нечасто, потому как это он для друзей был Шурой, а на работе старшим следователем Александром Романовичем Наполеоновым.

Подруга его занималась частным сыском и была в некотором роде вольной птицей. Однако и у нее дела нередко отесняли отдых.

– У тебя сейчас, случайно, нет какого-нибудь убийства? – спросила Мирослава задумчиво.

– Тьфу-тьфу! – воскликнул Шура сердито, и с его подтаявшего мороженого на зеленые плитки набережной упала массивная капля. Хорошо, что не на брюки.

– Извини, – улыбнулась Волгина и посмотрела куда-то в

сторону.

Шура проследил за ее взглядом – пальма, лавочка, тир...

– Что ты там увидела? – спросил он.

– Обезьяну!

– Какую еще... – Он осекся. На лавочке возле уличного тира сидела огромная обезьяна. Слава богу, игрушечная.

– Я хочу ее! – страстно выдохнула Мирослава и устремилась к тиру.

– Зачем она тебе? – изумился Шура, поспешив за подружкой.

– Подарю Морису.

Шура фыркнул.

– Кстати, где он сейчас?

– Откуда же мне знать? – искренне удивилась Мирослава. – Я за ним не слежу.

– Ну...

– Что ну?

– Я думал...

Мирослава одарила друга детства насмешливым взглядом.

Морис Миндаугас был секретарем в агентстве «Мирослава» и ее единственным помощником. И она действительно не интересовалась, где и с кем он проводит свое свободное время.

Подойдя к тиру, Мирослава проигнорировала широкую улыбку зазывалы и отчеканила:

– Я хочу обезьяну.

– О! – Его улыбка стала еще шире. – Конечно-конечно, если ваш молодой человек...

– Нет! – поспешно перебил его Шура.

– Что нет? – Брови парня поплыли вверх.

– У нас кто хочет приз, тот и по мишеням стреляет.

– Так вы хотите сама? – еще больше удивился парень, оберачиваясь к Мирославе.

– Сама, сама, – подтвердил Шура не моргнув глазом.

– Ну... – протянул парень, забрал у Волгиной деньги и вручил ей патроны. Не утерпев, он добавил: – Лучше вам расстаться с мечтой, заполучить этого роскошного зверя, – он кивнул на обезьяну, – еще никто с начала сезона не сбил все необходимые для его получения мишени.

Мирослава не проронила в ответ ни звука, а Шура презрительно фыркнул – еще не вечер.

Надо было видеть изумленное лицо парня, когда молчаливая дева, казалось бы, и не метаясь, сбила одну за другой все мишени, забрала обезьяну и, не оглядываясь, побрела прочь. Шура окинул парня насмешливым взглядом и поспешил вслед за подругой.

Вечером слегка обалдевший от невероятного подарка Морис Миндаугас почти целую минуту стоял молча, обнявшись с огромной рыжей обезьяной, а потом робко спросил у Мирославы:

– А можно я ее посажу на диван в гостиной?

Волгина пожала плечами:

– Она теперь твоя, делай с ней что хочешь.

И Морис, облегченно вздохнув, пристроил подарок на краешек дивана.

В гостиную вплыл черный пушистый кот, внимательно посмотрел на обезьяну, подошел к дивану, встал на задние лапы, обнюхал ее, чихнул и потерял к ней всякий интерес, принявшись тереться о ноги хозяйки.

Шура, присутствовавший при сцене дарения, изо всех сил старался не расхохотаться. С трудом справившись с распиравшим его смехом, он серьезно спросил:

– Граждане детективы, а мы ужинать сегодня будет или как?

– Будем, будем, – воскликнули они в два голоса.

Глава 1

В саду распустились белые лилии...

Их тонкий аромат плавал в воздухе, опьяняя и околдовывая и без того пьяную от любви Антонину Духанину.

Тоня чувствовала себя самой счастливой из всех невест города. Жених шутил, что имя ей подходит как никому другому. Тоня краснела и опускала глаза, она и сама знала, что буквально тает в его объятиях. Ох, Тоня, Тоня...

Как же ей хотелось как можно скорее выйти замуж и стать Антониной Мерцаловой. Девушка торопила время и таяла, в то время как ее родители и родители жениха готовились к свадьбе. Ни та ни другая семья не хотела упасть лицом в грязь перед родственниками и знакомыми, поэтому денег на приготовления не жалели.

Старшие Духанины и Мерцаловы одобряли выбор своих детей. Все складывалось, по их мнению, как нельзя лучше: единственная дочка владельца сети продуктовых магазинов «Заходи, не пожалеешь», не влюбилась в какого-нибудь голодранца, а выбрала сына колбасного короля. Деньги, как говорится, к деньгам.

У Мерцаловых сын тоже был единственным наследником, и Антонина Ивановна Мерцалова, не доверяющая новым патентованным средствам, рекламируемым по телевизору, выпила немало валерьянки, ожидая, когда сыночек нагуляется

и перестанет бегать за моделями и актрисами. И вот ее материнское терпение вознаграждено. Тонечка – умница, красавица, дочь уважаемых людей. И зовут девушку так же, как будущую свекровь.

Тоня и впрямь была премиленькая, хотя назвать эту круглолицую пышечку красавицей не решился бы, пожалуй, ни один эстет. А впрочем, бог с ними, с эстетами, ничего не понимающими... в колбасных обрезках.

Своей колбасной империей Мерцаловы гордились – еще бы, даже за колбасными обрезками, которые вечером продавались по бросовой цене, выстраивалась очередь.

Если что и беспокоило Антонину Ивановну, так это как бы Толечка не сорвался, не загулял, приударив за очередной юбкой.

– И в кого он у нас уродился такой влюбчивый, – вздыхала Антонина. Сама она всю жизнь хранила верность мужу, да и супруг в хождении налево замечен не был, хотя длинноногих див, строящих ему глазки и готовых на все по одному его слову, хватало. Можно сказать, что они в очередь к Мерцалову-старшему становились.

А Дмитрий Борисович, несмотря на все другие недостатки своего характера, оставался верен своей жене, которая, естественно, не помолодела за прожитые вместе годы.

То, что сын решил жениться на Антонине Духаниной, грело сердце Мерцалову-старшему.

Правда, незадолго до свадьбы молодые все-таки ошара-

шили родителей, заявив, что решили пожениться вдали от цивилизации. И отправились в глушь искать себе домик для проведения в нем медового месяца. Родители всполошились, но потом решили: перебесятся и заживут, как все нормальные люди.

Единственным условием жениху и невесте было то, что свадьбу гуляют по сценарию старших, а потом пусть катятся на все четыре стороны, все равно родным и знакомым старшие Мерцаловы и Духанины скажут, что детки укатили за границу. На том все и было решено.

Свадьбу, как и было задумано, отгуляли с размахом. Через два дня молодые уехали в свадебное путешествие, а гости продолжали пировать еще неделю.

* * *

– Как здесь хорошо! – воскликнула Тоня, вдыхая полной грудью вкусный деревенский воздух.

Она раскрыла руки и замерла, точно намеревалась обнять весь мир, но опасалась, что не сумеет обхватить его полностью. Анатолий, улыбаясь, смотрел на юную жену. Это была ее идея провести месяц в деревне. Он не возражал – пусть себе поблажит. И потом здесь и впрямь неплохо: чудесный воздух, птички, цветочки.

С юности пресыщенный женщинами, он не был влюблен в нее без памяти, но она нравилась ему. Романтичная, чистая,

искренне любящая его. Кажется, в XIX веке таких барышень называли тургеневскими девушками.

– Тоня! А ты бы пошла за мной на край света? – неожиданно спросил он.

– Конечно, пошла бы, – не раздумывая ни секунды, ответила она.

Анатолий довольно улыбнулся. Нет, он, конечно, не женился бы на ней, если бы ее папа не был хозяином торговой сети, а так в перспективе все нажитое Духаниным-старшим перейдет к Антонине, то есть к нему.

«Эта влюбленная дурочка ни за что на свете не станет с ним спорить». – Анатолий так расчувствовался, что подхватил жену на руки и закружил возле старой веранды, обвитой девичьим виноградом.

– Слышишь, кузнечики стрекочут, – проговорила Антонина, обвивая шею мужа белыми нежными руками и прижимая голову к его плечу.

– Слышу, слышу, – отозвался он и понес жену в уютную прохладу дома, пахнувшего чисто вымытым деревянным полом, ветками полыни, разбросанной в прихожей, и еще чем-то непонятным закоренелому горожанину.

– погоди, – прошептала Антонина, отбиваясь от нетерпеливых рук мужа, – я сама сниму белье, а то ты все разорвешь.

– Купим другое, – жарко дышал он ей в ухо, и она, опьянев, сдалась на милость победителя, забыв о сохранности дорогих кружев.

– Толь, а вдруг я забеременею? – спросила она некоторое время спустя.

– Так что с того, – отозвался он лениво, – ты теперь мужняя жена.

– Значит, ты хочешь ребеночка? – обрадовалась Тоня.

Он кивнул.

– Правда-правда? – не унималась юная жена.

– Конечно, хочу, нам же нужно наследниками обзаводиться, – проговорил он и снова потянулся к жене. И она с радостью вся раскрылась ему навстречу.

Неделя пролетела незаметно. Тоня была счастлива и радовалась, что никто им не досаждаст и они заняты только друг другом.

– Знаешь, – сказала она, обрывая с ветки первую вишню, – мне иногда кажется, что мы с тобой в раю, как когда-то Адам и Ева. Только мы и больше никого.

– Надо поглядеть, – усмехнулся Анатолий, – не притаился ли где-то поблизости змей-искуситель.

– Толя! – воскликнула внезапно побледневшая Тоня. – Нельзя так говорить!

– Глупости, – отозвался он, – иди-ка лучше ко мне.

И она послушно пошла к раскинувшемуся на толстом ковре на лужайке мужу. А оказавшись в его объятиях, тотчас забыла обо всем на свете.

Муж облизал ее губы, испачканные вишневым соком, зажмурился, как кот перед горшком со сметаной, и прогово-

рил:

– Какая ты вкусная сегодня.

– Только сегодня? – улыбнулась она.

– Всегда, всегда, – прошептал мужчина, сгорая от нетерпения.

Прошла еще одна счастливая неделя, вернее, пролетела. В окна лился серебряный рассвет, каждый луч был похож на волшебную струну, бери смычок и играй любую мелодию, встрепенувшуюся в сердце.

Спать больше не хотелось, и они с утра пораньше отправились купаться на речку. Обычно в этом уединенном месте никого, кроме них, не было, и они любили купаться обнаженными.

Но на этот раз на берегу возле замшелой коряги молодые увидели старого рыбака с допотопной удочкой. В ведре у него блестели чешуей караси.

– И откуда он сюда забрел, – проворчал недовольно Анатолий.

– Наверное, из какого-то села.

– Отсюда до самого близкого из них километров пять.

– Ну и что.

– Ничего, малыш, но мы же мечтали побыть в одиночестве.

– Ой, я так хочу рыбы, – вздохнула Тоня.

– Рыбы? – усмехнулся муж. – А готовить-то ты ее хоть умеешь?

– По-твоему, я неумеха? – обиделась она.

– Ничего такого я не говорил, – Анатолий поднялся на ноги, – посиди тут, я сейчас.

Через некоторое время он вернулся с рыбой, которую купил у рыбака вместе с ведром. Сам старик быстро убрался, опасаясь, как бы странный городской парень не одумался и не потребовал назад целую кучу денег, которую отдал ему за старое ведро и лежавших в нем карасей. А еще приплатил за то, чтобы он здесь не появлялся недели три.

Тоня чуть ли не прыгала от радости – какой у нее необыкновенный муж! Он, как волшебник, исполняет все ее желания.

Вода в речке была теплее парного молока, наплескавшись вволю, молодожены, довольные друг другом, поспешили домой.

Все было бы хорошо, но в доме не оказалось сковороды. Холодильник и кладовая были забиты продуктами, и кто же знал, что молодая вздумает жарить рыбу. Раньше за ней подобной склонности никто не замечал...

Тоня печально смотрела на еще шевелящихся карасей – пропадут теперь.

Анатолий, щелкнув жену тихонько по носу, сказал:

– Не горюй, тут не так далеко есть магазин, там уж точно есть сковороды. Жди, через час вернусь.

Тоня вздохнула и, хотя ей вовсе не хотелось отпускать мужа одного, кивнула и приготовилась ждать. Она выпустила

карасей в большой таз, поставила его в тень и присела рядом.

Прошел час, потом другой, Анатолий не возвращался. Встревоженная Тоня уже не сидела на месте, а металась по двору, то и дело выбегала за калитку, смотрела на дорогу, напрыгала слух, надеясь услышать звук приближающегося автомобиля.

Небо пожелтело, как цветок подсолнуха, потом добавились оранжевые краски, и, наконец, пурпурное солнце скатилось за горизонт. Ветер затих, не шуршали листья, зато где-то совсем рядом запел соловей. Но Тоне на этот раз его рулады не принесли никакой радости, скорее наоборот.

В голову лезли самые разные мысли. Она невольно вспоминала о слухах, доходивших до нее, о том, что у Анатолия было множество девушек, которых он оставил с разбитым сердцем.

Что, если он вернулся к одной из них?

– Нет, – успокаивала она сама себя, – такого просто не может быть. Толя со мной так никогда не смог бы поступить. Никогда!

Когда вечер, уступая место ночи, то ли случайно, то ли нарочно разлил целый флакон чернил и все вокруг погрузилось в лиловые сумерки, Тоня уронила голову на руки и горько заплакала.

Успокоилась она только тогда, когда у нее не осталось слез. Тут девушка вспомнила об отключенном сотовом, бро-

силась в дом и вытащила его из своей ультрамодной сумочки. Включила – на счастье, телефон работал.

Антонина позвонила мужу, ругая себя за временное умопомрачение, но, увы, вместо голоса мужа она услышала равнодушное механическое: «Абонент временно недоступен, позвоните позже».

И она звонила снова и снова с тем же результатом. Потеряв последнюю надежду, она набрала номер домашнего телефона, к нему долго никто не подходил, потом сонная горничная Лиза сказала, что хозяин и хозяйка уехали к кому-то в гости и обещали вернуться ближе к утру.

Тоня отключилась, ничего не объясняя, и тут же набрала номер сотового отца. Игорь Владимирович отозвался почти мгновенно.

– Доча, – проговорил он в трубку.

Тоня жалобно всхлипнула.

– Ты плачешь? – встревожился отец.

Антонина зарыдала:

– Папа, папа, Толя...

– Он обидел тебя?! – зарычал Духанин.

– Нет! Нет, папочка! Он пропал.

– Как это пропал?! – удивился отец.

– Он не вернулся, – сквозь рыдания выдыхала слова дочь.

– Откуда не вернулся? Говори толком, Тоня! – всерьез забеспокоился Игорь Владимирович.

– Он ушел! Понимаешь, папа, ушел! Еще днем!

– Куда ушел? Вы поссорились?

– Нет, – Тоня затрясла головой, словно отец мог увидеть ее, – он поехал за сковородкой.

– За какой сковородкой?! – изумился отец.

– За любой, за обыкновенной, – пыталась объяснить Антонина.

– Зачем ему сковородка?!

– Не ему, мне.

– А тебе зачем?

– Рыбу жарить.

– Рыбу? Какую рыбу?!

– Речную, мы были на реке, купили рыбу у рыбака, а сковородки дома не было, и Толя поехал в магазин. И не вернулся, – снова зарыдала Антонина.

– Жди. Никуда не уходи из дома, мы сейчас приедем, – распорядился Духанин.

Антонина сидела на крыльце, смотрела на замолчавший телефон и думала о том, каким коротким оказалось ее счастье. Она почему-то поняла в эту минуту, что уже никогда не увидит своего мужа, своего любимого Толечку.

Она не знала, что случилось с ним. Тоня так сильно его любила, что, если бы ее спросили, что лучше – чтобы он был убит, ограблен или сбежал от нее с одной из своих бывших пассий, она, не задумываясь, выбрала бы второе. Если судьбе угодно, то пусть он будет с другой, лишь бы был жив, здоров и счастлив. Да, она знала, что Толя любил женщин, но ее

любовь была настолько искренней и светлой, что ревность не могла замутить ее прозрачного течения.

– Лишь бы он был жив, – прошептали губы молодой женщины.

Так она и сидела в ночной тишине, молясь о спасении мужа, пока не услышала шум подъезжающего автомобиля. Вихрем вынеслась она за калитку, желтые фары приближались, вот автомобиль остановился, и из него выбрались отец и его охранник.

У Антонины опустились руки, она все еще надеялась, несмотря ни на что, что это вернулся ее Толя. Она закачалась и упала бы, если бы отец не подхватил ее на руки.

Отец что-то сказал охраннику, тот быстро все осмотрел вокруг, заглянул в мрачно темнеющее нутро дома, вернулся, мужчины коротко переговорили, все загрузились в автомобиль и отправились в обратный путь.

Дома их ждала встревоженная Маргарита Степановна и семейный доктор Федор Кузьмич Кравцов, врач старой закалки и, как казалось семейству Духаниных, неограниченных возможностей.

Антонина безропотно позволила Федору Кузьмичу осмотреть себя, сделать укол и уложить в постель. На следующий день пополудни она проснулась в своей постели. Рядом сидела мать и тихонько гладила ее руки.

– Мама, – прошептала девушка.

– Ты проснулась, Тонечка, – тихо проговорила Маргарита

Степановна.

– Толя? – вопросительно всхлипнула Антонина.

Мать покачала головой и поспешила добавить:

– Но его ищут. Ночью отец дозвонился Мерцаловым, они приехали сюда. Антонина Ивановна... – Духанина на мгновение замолчала, вспомнив, как сваха, кусая губы, отказывалась обращаться в полицию. Бедная женщина была уверена, что ее сын, не выдержав испытание женитьбой, опять пустился во все тяжкие и загулял с очередной встретившейся на его пути юбкой. Но остальные благоразумно решили прибегнуть к помощи полиции.

– Хорошо, что Толя взял с собой сотовый, – проговорила Маргарита Степановна.

– Но он не отвечает, – с жалобным укором отозвалась дочь.

– Даже если он отключен, – сказала Духанина, – отец уверен, что полиция найдет его, а значит, и Толю.

– Телефон могли у него украсть, – выдохнула Тоня.

– Будем надеяться, что нет. – Материнская рука снова успокаивающим касанием притронулась к руке дочери.

Духанин и Мерцалов действительно обратились в полицию и, конечно, подняли на ноги всех, кого только могли поднять, прибегнув к своим многочисленным связям.

Колесо государственной машины закрутилось, и дело оказалось на столе у старшего следователя Александра Романовича Наполеонова.

Начальник, поручая ему это дело, долго бухтел о том, что подобную ответственность он может возложить только на Наполеонова.

Тот сухо поблагодарил за оказанное доверие и, покидая начальственный кабинет, закрыл дверь с особой осторожностью, опасаясь, что не удержится и шваркнет ею изо всей силы.

– Александр Романович, вы чего такой? – спросила секретарша Элла, поправляя свою прилипшую ко лбу челку.

– Ничего, – буркнул Наполеонов, поспешно проходя мимо.

– Вот и Федор Поликарпович с утра сам не свой, – бросила ему вдогонку девушка, – и кофе утром не стал пить. А я ему за языками бегала, как дура.

– И много языков захватила? – буркнул Шура.

– Так пять штук.

– Теперь их только разговорить осталось, – буркнул Наполеонов и скрылся.

Элла Русакова за годы работы секретарем привыкла ко многим причудам начальства и следователей, поэтому просто махнула рукой и занялась своими непосредственными обязанностями.

А Наполеонов, войдя в свой кабинет, сразу включил вентилятор, сел за стол, раскрыл папку, промокнул лоб чистым платком – становилось чертовски жарко.

Он добросовестно изучил материалы, которых на данный

момент было с гулькин нос. В обед у него была назначена встреча с Мирославой Волгиной, они собирались пообедать в кафе на набережной.

Шура потянулся к телефонной трубке, намереваясь отменить встречу. Но потом махнул рукой. «Это ничего не изменит, разве только прибавит в мое настроение мрачных красок, – подумал Наполеонов. – Съезжу пообедаю, на набережной хоть ветерком обдует».

Подъехав к кафе, он увидел стоящую на стоянке «Волгу» Мирославы. Сама Мирослава сидела на открытой веранде и пила минеральную воду.

– Ты чего такой мрачный? – спросила она.

– Дело подкинули, хуже не придумаешь.

– Что так?

– Убийство.

– Можно подумать, в первый раз, – пожала она плечами.

– Не в первый, – согласился он, – но тут короли всякие замешаны, – проговорил он, сморщившись, точно отхлебнул приличный глоток чего-то невыносимо горького.

– Какие еще короли? – спросила она недоуменно.

– Колбасный и этот, как его, хозяин сети продуктовых магазинов «Заходи, не пожалеешь».

– Тоже мне короли, – фыркнула она.

– Тебе хорошо фыркать, а мне маяться с этой публикой, развели буржуазию, – проворчал Наполеонов.

– Кого-то из них убили? – спросила Мирослава, сделав

заказ для себя и Шуры и подождав, пока официант отойдет.

– Не их самих, сына Мерцалова.

– Вот как...

– Дочь Духанина вышла замуж за сына Мерцалова, не слышала?

Мирослава покачала головой.

– Темная личность, – вздохнул Шура, – об этом в газетах писали.

– Я светские новости не читаю. Лучше расскажи, как его убили и кто.

– Ишь чего захотела! На блюдечке с золотой каемочкой.

– И все же.

– Дети этих толстосумов поженились и отправились не как принято у таких семейств за границу медовый месяц проводить, а в русскую глубинку.

– Чего их туда понесло?

– Ну как же, свежий воздух, травка, птички.

– Понятно, но думаю, в их загородных усадьбах все это и так имелось в изобилии.

– Слава, ради бога, перестань меня пытаться. Может, им дикой природы захотелось, – вспыхнул Наполеонов.

– Может, – покладисто согласилась Волгина.

– Короче, – продолжил Наполеонов, – все было у них хорошо, пока молодожен не отправился за сковородкой.

– За чем, за чем? – изумилась Мирослава.

– За сковородкой!

– Зачем она им понадобилась?

– Молодой приспичило рыбу жарить! – рявкнул Шура.

– Да, у богатых свои причуды, – отозвалась Мирослава задумчиво.

– Короче, он ушел и не вернулся. Молодая маялась, маялась, его ожидая, потом позвонила родителям. Картина маслом – жених пропал, невеста рыдает.

– Представляю, – сочувственно кивнула Мирослава.

Наполеонов предпочел думать, что сочувствует она ему, тяжело вздохнул и продолжил прерванное повествование:

– Семейство всполошилось, и вчера Духанин и Мерцалов обратились в полицию, заодно поставив на уши всех, кто хоть как-то мог нажать на полицию.

– А без этого нельзя?

– Это ты уж у них спроси.

– И что, Мерцалов-младший до сих пор не нашелся?

– Нашелся, как не найтись, – тяжело вздохнул Наполеонов.

– Чего же ты вздыхаешь, раз тебе его искать не надо? – спросила Мирослава, отправляя в рот очередной кусочек тушеной рыбы.

– Его искать не надо, – без намека на энтузиазм проговорил Шура. – Зато мне надо найти того, кто его убил.

– Убил?

– Угу, – тоскливо подтвердил Шура, поднося ко рту кусочек отбивной, – на самоубийство его гибель списать не удаст-

ся.

– Как его убили?

– Он вывалился на полном ходу из машины и разбился.

– Может, несчастный случай?

Наполеонов покачал головой.

– Кстати, вывалился он из собственной машины.

– В крови обнаружили алкоголь?

– Нет, и он не сидел за рулем. После его падения машина проехала 12 км и свалилась в овраг.

– Уцелела?

Наполеонов кивнул.

– В машине больше трупов не обнаружено?

– Ничего там не обнаружено, кроме сковороды! Даже отпечатки пальцев только на ней! Тот, кто сидел за рулем, был в перчатках.

– Версии есть? – спросила Мирослава, всем сердцем сочувствуя другу детства.

– Пока одна.

– ?

– Понимаешь, недавно Мерцалов-старший съел два мини-магазина молодого предпринимателя. А он человек горячий...

– С Кавказа?

Шура кивнул.

– Жалко его, – вздохнула Мирослава.

– Кого?

– Молодого предпринимателя с Кавказа.

– С чего бы это? – Наполеонов подозрительно покосился на девушку.

– Чует мое сердце, что он здесь ни при чем. – Мирослава задумчиво покрутила в руках коктейль с соком сельдерея.

– Сердце у нее чует, – пробормотал Шура, – эка загнула. – Он подозрительно покосился на коктейль. Худеть его подружке было не надо, и ни на каких диетах она никогда не сидела. Но сельдерей обожала. Листья этого растения почти всегда были в пределах ее досягаемости, и она могла жевать их с утра до вечера. И просто вдыхать их аромат, как романтики вдыхают аромат роз или фиалок.

– Шура, а ты не думаешь, что Мерцалов встретил свою бывшую любовницу, они поссорились – и вот результат.

– Откуда в этой глуши его любовница? И как она оказалась за рулем?!

– Над этим следует подумать.

– Вот и думай.

– Меня никто не нанимал, гонорар не обещал.

– Какая ты меркантильная, – притворно ужаснулся Шура.

Укорять Мирославу в меркантильности всерьез он не мог. Да, она работала за гонорар. Но как часто помогала ему бескорыстно и не раз и не два не просто отдавала ему лавры победителя, а буквально навязывала их ему, если раскрывала дело, которое одновременно расследовал и он.

Шура отбрыкивался, как мог, но она упорно твердила, что

ей лишний раз светиться ни к чему, а ему сияние славы очень даже может быть высветит повышение по службе и еще одну звездочку на погоны. Звезды, как известно, лишними не бывают. Так они порой мило пререкались за вечерним чаем под насмешливым взглядом не вмешивающегося в их споры Мориса Миндаугаса.

– Ладно, разбегаемся, – сказал Шура, бросив взгляд на часы. – Созвонимся.

– Пока-пока, – ответила Мирослава, чмокнув его в макушку.

Подругу детства бог ростом не обидел, а Наполеонов едва доставал ей до середины подбородка. На все нападки на свой рост он гордо отвечал, что все великие люди были невелики ростом, поэтому русский народ придумал поговорку: «Мал золотник, да дорог».

Никто особо с Наполеоновым не спорил, хорошо помня, как однажды на подшучивания рослого проверяющего из центра он обронил, глядя поверх его головы: «Велика Федура, да дура».

Скандал удалось замять с большим трудом. Начальство Наполеонова не желало терять толкового следователя, а проверяющие что – сегодня приехали, нервы помотали, а завтра отбыли восвояси.

Глава 2

– Вам тетя Виктория звонила, – сказал Морис, едва Мирослава переступила порог.

– Чего хотела?

– Просила перезвонить, по-моему, у нее что-то важное.

– Да? – улыбнулась Мирослава.

Тетю Викторию, так же как и вторую тетю Зою, или Заю, как звали ее домашние, Мирослава любила.

Родителей она потеряла, будучи маленьким ребенком, несколько лет назад один за другим ушли дедушка и бабушка, воспитавшие ее. Так что тети и двоюродный брат были ее любимой семьей.

Но брат Виктор постоянно по долгу службы пропадал в горячих точках. Тетя Зая была загружена работой и общественными делами. А тетя Виктория жила не спеша, с удовольствием, личностью она была неординарной, к тому же писала книги, которые охотно издавались несколькими издательствами.

В настоящее время тетя Виктория обитала в загородном доме со своим молодым мужем Игорем, ее литературным агентом и по совместительству ангелом-хранителем и огромным рыжим котом Луи.

Мирослава, выпросив у Мориса чашку мятного чая и горсточку фиников, удалилась в свой кабинет. Сейчас они не ве-

ли никакого дела, но в кабинете Волгина любила находиться и вне работы. Она поставила на стол чашку с чаем и тарелку с финиками, набрала номер тети Виктории.

– Тетя, привет, – проговорила Мирослава в трубку, услышав голос Виктории. – Морис сказал, что ты мне звонила по важному делу.

– Да-да, – быстро согласилась тетка, – я хотела спросить тебя, как ты относишься к гаремам?

– К чему? – удивленно переспросила Мирослава, хотя по логике она уже давно должна была привыкнуть к способности тети задавать самые неожиданные вопросы.

– К гаремам, Славочка, у тебя что, телефон плохо работает? – спросила тетя заботливо.

– Да нет, телефон работает превосходно, просто я растерялась.

– Понимаю, ну так как же?

– Отрицательно, – сказала племянница, вспомнив о том, что сама она жуткая собственница.

– Я имела в виду мужской гарем, – пропела тетя, и Мирослава догадалась, что она улыбается. – Ну, что ты молчишь, – тетин голос снова полился из трубки, – помнишь, у Ирины Аллегровой: «Я построю гарем на четыреста мест...»

– Знаешь, тетя, я бы лично не хотела иметь так много мужчин одновременно. Это все-таки проблематично для занятой женщины. Мужчины требуют времени, внимания, эмоций...

– Я тебя понимаю, – согласилась тетя, – но, как оказалось,

у меня-таки гарем имеется, хотя и не на четыреста мест.

– Вот как? – только и обронила племянница.

– Да, слушай, мы вчера с Игорем отправились проветриться на набережную. Погуляли, проголодались, зашли в ресторанчик. Там так мило, уютно, ну ты и сама знаешь.

Мирослава отхлебнула глоток чая и положила в рот феник.

Виктория тем временем продолжала:

– И тут подходит к нам молодой мужчина и, обращаясь к Игорю, говорит: «Сколько лет, сколько зим. Смотрю и думаю, ты это или нет».

Игорь поднялся и говорит мне: «Знакомься, Виктория, это мой однокашник Сергей Ростовцев».

– Но кто же это шикарная женщина? – восклицает тот и не сводит глаз с моих струящихся по плечам волос. Игорь как раз уговорил меня их распустить, и они рассыпались до талии.

Игорек отвечает:

– Это моя жена.

– О! Какая красавица!

– Но ты же знаешь Игоря, – сказала тетя, – он обожает хохмы.

– От тебя научился, – не удержавшись, вставила Мирослава.

– Может быть, не стану спорить, хотя он и сам по себе большой юморист. Так он говорит этому парню: «Да, жена у

меня красивая. Но у нее трое мужчин».

– Да ты что?! – столбенеет тот и как-то странно косится на меня.

Мирослава прыснула.

– Слушай дальше, – самым серьезным тоном продолжила тетка.

– Ага, – говорит Игорь, – Луи, Филипп и я.

– Иностранцы?! – продолжает изумляться тот.

– Типа того, хотя Луи родился здесь, а Филипп в Южной Корее.

– Азиат?!

Мой пожимает плечами:

– Ну, как тебе сказать, он черный...

– Африканец?! А второй?

– Второй рыжий, притом весь.

– Так зарос волосами?! – У парня глаза лезут на лоб, на меня он больше не смотрит и спрашивает Игоря с нескрываемым сочувствием в голосе: – А как же ты?!

– А что я, терплю, – отвечает благоверный, – такая наша мужская доля.

– Смотрю, парень сейчас прямо здесь перед нашим столиком на пол грохнется, и, не выдержав, говорю: «Все так и есть, Луи – это кот, а Филипп – компьютер».

Вид у парня ошарашенный, он переводит глаза с меня на мужа. А Игорек принимает самый невинный вид и, хлопнув приятеля по-дружески по плечу, спрашивает:

– А как ты, Сережа?

Тот лепечет что-то типа «хорошо» и, не прощаясь, исчезает.

– А что было дальше? – спрашивает Мирослава.

– Дальше ничего особенного, – вздохнула тетя, – мы поели, и Игорь предложил прокатиться на «Омике». На Волге сейчас так хорошо. Слава, вы бы приехали к нам в гости с Морисом, хоть завтра вечером, и Шуру с собой прихватите, – предложила Виктория.

– Шура занят, – ответила Мирослава, – у него новое серьезное дело.

– Жалко, но тогда приезжайте вдвоем.

– В воскресенье, может быть, и приедем, я тебе позвоню, ладно, тетя?

– Ладно, только не забудь, а то ты так и норовишь лишиться внимания и заботы свою старую больную тетку.

– Старые больные тетки не имеют молодых мужей и не заводят себе гаремы, – парировала Мирослава и быстро отключилась.

– Мирослава, – донесся из приемной голос Мориса.

– Да?

– У меня одна дама на связи, она спрашивает, не согласимся ли мы ей помочь?

– Что у нее случилось?

– Убили сына, и она хочет найти заказчика и исполнителя.

Мирослава подумала полминуты.

– Пусть приезжает. Когда ей удобнее?

– Прямо сейчас.

– Хорошо, скажи, что мы ее ждем, и объясни, как доехать.

Когда Морис положил трубку, Мирослава вышла из кабинета и спросила:

– Она не назвала себя?

– Нет, – качнул головой Миндаугас, – чувствовалось, что разговор дается ей с трудом, и я не стал ни о чем спрашивать по телефону.

Мирослава согласно кивнула, думая о том, что неизвестная упомянула заказчика и исполнителя, следовательно, уверена, что убийство заказное...

Спустя минуту она проговорила, глядя в окно:

– Когда мы сегодня обедали с Шурой, он поделился новостью о том, что у него новое дело... Весьма неприятное.

Морис был уверен, что расследований приятных дел детективами не бывает, и осторожно спросил:

– Вы думаете, что дело этой женщины как-то связано с наполеоновским делом?

– Не знаю, но предчувствие, – она оборвала сама себя, – глянь в интернете, что пишут про убийство Мерцалова-младшего.

– Мне и глядеть никуда не надо, я вам могу и так все изложить.

– Давай, только коротко.

Морис пересказал ей все сведения, которые ранее почерп-

нул из бумажных и виртуальных СМИ.

– Понятно, – сказала Мирослава.

– Что понятно?

– То, что ничего непонятно.

– Я думаю, что с Мерцаловым разделались конкуренты его отца, – пожал плечами Миндаугас.

– Шура тоже так думает, – сухо ответила Мирослава.

– Ведь выкуп на него не требовали, – проговорил Морис, – хотя, возможно, просто не успели...

– В смысле? – заинтересовалась Волгина.

– Допустим, они похитили его ради выкупа, но не связали, так как не предполагали, что он решится на скорости выпрыгнуть из автомобиля.

– Те, кто похищает сыновей миллионеров ради выкупа, обычно более предусмотрительны. И не стали бы для этой цели использовать его же автомобиль.

– Может быть, это новички.

– Все может быть...

– А на нем не было повреждений, полученных при жизни? Следов побоев, например, или от удара по голове.

– Ни о чем таком Шура не рассказывал, да я и сама не проявляла особого любопытства.

Дверь в приемную приоткрылась, в помещение вошел черный кот. Он перевел глаза с Мирославы на Мориса и направился в сторону последнего, запрыгнул ему на колени и громко замурлыкал.

– Ты его покормил? – спросила Волгина.

– А как же, – отозвался Миндаугас, – это только начальство в будние дни ездит в кафе обедать, а мы едим дома.

– Извини, – Мирослава дотронулась до плеча Мориса, – просто хотелось проветриться. Ты бы мог тоже куда-нибудь съездить.

– Нас и здесь неплохо кормят, – проговорил Морис голо- сом толстого кота из мультика про попугая Кешу.

Получилось так похоже, что Мирослава невольно прысну- ла со смеху.

Дон посмотрел на нее своими удивительными янтарными глазами, а потом прижался щекой к груди Мориса и нежно потерся о его рубашку.

– Спелись, – усмехнулась Мирослава.

И тут прозвучал мелодичный звонок. Морис поднялся с кресла, пристроил на него кота и поспешил открыть ворота приехавшему автомобилю.

Мирослава увидела в окно, как на их территорию въехал «Опель» кофейного цвета и остановился на мини-стоянке возле гаража. Миндаугас со своей прирожденной грацией галантно помог выбраться из салона женщине и жестом при- гласил ее пройти в дом.

Глава 3

Вскоре клиентка вошла в приемную и представилась:

– Мерцалова Антонина Ивановна.

Морис бросил быстрый взгляд на Мирославу – как говорится, «предчувствия ее не обманули».

Волгина предложила клиентке располагаться где ей удобно. Женщина выбрала большое кресло и села.

Мирослава прикидывала в уме, чем именно не удовлетворило Мерцалову официальное следствие. Ну что ж, сейчас она услышит ответ на свой вопрос.

– Мне порекомендовала вас Эльвира Рашидовна Хабибулина.

Волгина кивнула, она прекрасно помнила роскошную восточную красавицу, которой помогла снять обвинения с единственного любимого племянника, чисто случайно оказавшегося не в то время и не в том месте.

«Но с Мерцаловой, пожалуй, будет сложнее», – подумала Мирослава и приготовилась слушать клиентку.

С момента гибели сына прошло двое суток.

Первые сутки обезумевшая от горя Антонина Ивановна не выходила из своей комнаты, она никого не то чтобы не хотела, не могла видеть.

Вчера у нее достало сил для беседы со следователем. Несмотря на свой маленький рост, молодость и какие-то ли-

сьи глаза, он сумел расположить ее к себе. И она ему доверилась.

Но едва за следователем закрылась дверь, в душе Антонины Ивановны снова воцарился непроглядный мрак. Ее захлестнуло отчаяние, и впервые в жизни она почувствовала в сердце ненависть к мужу.

«Это он, он во всем виноват», – билась в голове одна и та же мысль.

Помимо воли она вспоминала свою жизнь с мужем до мельчайших подробностей, и то, как она увидела его в первый раз, и как сразу потеряла голову от любви к нему, и как любила его безнадежно, не выдавая своего чувства ни единым словом. И как однажды он предложил ей пойти на концерт приехавшей из-за границы знаменитости. И она тотчас согласилась, хотя и понимала, что выдает поспешностью свою заинтересованность им. Но ничего не могла с собой поделать.

А потом он предложил погулять, была ранняя весна, местами еще лежал снег, под ногами хрустели осколки луж, и они долго целовались в холодной тишине уже засыпающего города.

Когда она вернулась домой, ее встретили встревоженные родители, и она не могла им толком ничего объяснить.

– Ты влюбилась? – всплеснула руками мать.

– Кто он? – хмуро спросил отец.

И она назвала его имя и фамилию – Дима Мерцалов.

Он работал тогда заведующим одним из продуктовых складов города, но Тоня об этом не знала. Она вообще ничего не знала о нем, кроме того, что он самый-самый.

Отец Антонины, партийный функционер, человек умный, осторожный и циничный, позвал ее к себе в кабинет через неделю. Долго рассматривал дочь, как будто перед ним сидел посторонний человек, которого он видел впервые. Потом спросил:

– Ты уверена, что хочешь выйти за него замуж?

Она испуганно кивнула. И отец неожиданно сказал:

– Я не возражаю. Это проходимец далеко пойдет, если его никто не остановит.

– Кто пойдет? – удивленно спросила юная Тоня.

– Твой Мерцалов, – усмехнулся отец.

Она была счастлива, очень счастлива. Мерцалов красиво за ней ухаживал, читал стихи и обещал достать с неба звездочку. Антонине никогда не приходило в голову, что ее Дима прекрасно знал, чья она дочь, когда начал за ней ухаживать.

Они поженились спустя шесть месяцев. Тоня уже была к тому времени беременна, но из-за малого срока об этом никто не догадывался.

Когда началась перестройка, отец уже был на заслуженном отдыхе, но сохранил связи и всячески помогал своему зятю. В 90-е годы прошлого века Мерцалов сколотил огромный капитал, и тесть гордился своей проницательностью – не прогадал, удачно пристроил дочку.

Было время, когда Антонина не видела мужа дома сутками, но она смирилась, ведь Дима работает, всю себя она посвятила сыну.

Мерцалов заинтересовался сыном, когда тот подрос и стал задавать всем вокруг бесконечные детские зачем и почему. Отец охотно отвечал на его вопросы, и Антонина поначалу не придавала значения словам мужа, что главное в жизни – достичь успеха и неважно, какой ценой.

Отец учил сына, что мужчина – мачо, хозяин жизни, а женщина всего лишь приложение к нему. Она создана для очага и для ублажения мужчины. Без мужчины она ничто. Сын жадно впитывал слова отца и стремился во всем ему подражать.

Антонина слегка запаниковала и решила, посоветовавшись с отцом, вмешаться в процесс воспитания ненаглядного Толечки.

Но тут она обнаружила, что снова беременна, и так обрадовалась, что немедленно помчалась поделиться радостью с мужем.

Муж, как она и ожидала, был на работе. Но только поза его была вовсе не той, какая бывает у занятого работой мужчины. Мерцалов-старший стоял перед своим столом с расстегнутыми брюками, а на столе лежала его юная секретарша, пристроив длинные ноги на плечах босса.

Антонина не сказала ни слова, она просто покачнулась и потеряла сознание. Очнулась она в больнице. Пожилой врач,

пряча глаза за остро поблескивающими стеклами очков, сказал ей, что у нее случился выкидыш. Позднее она узнала, что детей у них больше не будет.

А вскоре скончался ее отец, вслед за ним тихо ушла мать. Тоня осталась совсем одна...

Нет, она не ушла от мужа, боясь лишиться сына привычного благополучия, но мужа так и не простила. Теперь каждый из них жил своей жизнью, стараясь соблюдать приличия.

А вот сын был ее болью и в то же время огромной любовью. Чем старше становился Толя, тем больше проявлялись в нем черты характера, которые она долгое время старалась не замечать.

И если Мерцалов-старший умел скрывать свое истинное лицо за доброжелательностью и добродушием, то сын вел себя так, словно всем своим видом хотел показать, что он хозяин жизни, а все остальные его холопы. Друзей он подбирал себе соответствующих, постоянно менял женщин, сорил отцовскими деньгами. Наконец и Мерцалов-старший заметил, что его сын стал не совсем таким, о каком он мечтал.

Несколько месяцев назад Антонина Ивановна застала мужа сидящим на кухне с чашкой чая, чему очень удивилась. Она хотела незаметно выйти, но муж окликнул ее:

- Тоня, погоди, поговорить нужно.
- О чем? – спросила она холодно.
- О сыне, черт возьми! – воскликнул он. – Ты его вконец испортила своим воспитанием!

– Я? – искренне изумилась Антонина.

– Ну, да, да, я тоже виноват. Но ты мать! – снова возвысил он голос.

– Если у тебя ничего нет ко мне, кроме укоров, – бесстрастно проговорила она, – то я, пожалуй, пойду.

– Нет, прости, я не собирался с тобой ссориться. Только поговорить хотел.

– Говори, я слушаю.

– Женить надо Толика, – выдохнул Мерцалов-старший.

– Женить? – недоверчиво переспросила Антонина.

– Ну не в армию же его отдавать на перевоспитание, – не сдержавшись, рявкнул Дмитрий Борисович.

– Ты хочешь сказать, что жена справится с нашим сыном лучше старшины? – грустно усмехнулась Антонина Ивановна.

– Ты не иронизируй, – проворчал муж, – хорошая жена оказывает на мужа благотворное влияние.

– Не знаю, – повела плечами Мерцалова.

– Где уж тебе, – хмыкнул муж неодобрительно.

Антонина промолчала.

– Лучше скажи, есть ли у тебя на примете хорошая девушка?

– Нет, никого я не приглядывала для Толика.

– Хороша мать, нечего сказать, – проворчал Мерцалов-старший.

– Неужто ты и впрямь думаешь, что нашего сына можно

заставить жениться? Да еще на девушке, выбранной для него родителями? – недоверчиво спросила женщина.

– А почему нет? – ответил муж вопросом на вопрос жены.

Антонина пожала плечами.

– Ему пора остепениться, и баста! – заявил Мерцалов-старший. – И способ заставить его жениться есть.

– Какой же? – поинтересовалась она.

– Он не получит ни копейки, если пойдет против моей воли.

Антонина внимательно посмотрела на мужа и поняла, что тот настроен серьезно. Видимо, сын что-то такое сотворил, что даже любящего отца вывел из терпения.

– Ты вот все молчишь, – более миролюбиво проговорил Мерцалов, – а я и девушку хорошую присмотрел для Анатолия.

– Кто же она?

– Дочка Духаниных.

– Тоня?!

– Она что, тебе не нравится?

– Да нет, очень милая скромная девушка.

– Влюблена в нашего Толика, как кошка.

– Откуда ты знаешь?!

– Я глаза и уши открытыми держу и знаю много чего, о чем ты и не догадываешься.

Антонина отмолчалась.

– Так одобряешь ты мой выбор или нет? – нетерпеливо

спросил Мерцалов.

– Какой толк от моего одобрения или неодобрения?

– Это уж мне решать, есть толк или нет его. Так нравится она тебе или нет?

– Я уже тебе ответила, да, нравится.

– Тогда вопрос можно считать решенным.

Антонина недоверчиво посмотрела на мужа, но спорить с ним не стала. И каково же было ее удивление, когда сын стал ухаживать за Антониной Духаниной, забросив свой гарем из моделей и актрисочек. А вскоре и свадьбу сыграли. Антонина только-только начала мечтать о внуках – и вот, больше нет ее сына.

Обезумев от горя, она ухватилась за совет давней подруги обратиться к частному детективу, и вот она здесь.

Хозяйка кабинета и ее сотрудник выглядели не старше следователя с рыжеватыми волосами и лисьими глазами. Но было в них обоих что-то располагающее. Особенно она благодарна была за то, что они не торопили ее, демонстрируя всем своим видом, что «время – деньги». Просто спокойно ждали, пока она соберется с мыслями и силами и начнет свой печальный рассказ.

Мерцаловой хотелось остаться наедине с Волгиной, открыть душу женщине, даже такой молодой, легче, чем рассказывать все в присутствии парня. Каким-то образом ее состояние было угадано детективами, и Миндаугас вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

– Спасибо, – невольно сорвалось с губ Антонины.

Мирослава ободряюще кивнула, и Мерцалова начала свой рассказ. Рассказывала она долго, с подробностями, то вдруг сбивалась и перескакивала с одного на другое.

Но детектив не прервала ее ни разу, она кивала, менялось выражение ее лица, взгляд девушки то утешал, то сочувствовал, то вопрошал. И, наверное, поэтому Антонина Ивановна все говорила и говорила, пока не почувствовала, что излилась полностью, больше в ней не осталось ни одного слова, ни одной невысказанной мысли.

Мирослава нажала на кнопку на столе, вошел Морис и поставил на стол чай с лимоном, стаканы и минеральную воду. Антонина бросила на него благодарный взгляд и взяла с подноса чашку умеренно горячего чая. Приятная жидкость с кислинкой от лимонного сока утолила ее жажду.

– Налить еще? – спросила Мирослава тихо.

– Нет, спасибо. Возможно, позже.

Детектив кивнула и сделала глоток минеральной воды.

– Вы простите, если я наговорила лишнего, – внезапно опомнилась Мерцалова.

– Ну что вы, – сказала Мирослава, – в нашем деле лишнего не бывает.

Морис снова скрылся за дверью, и они остались наедине в прохладной тишине кабинета.

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов и кое-что уточнить, – нарушила тишину детектив.

– Да, конечно, спрашивайте, – вздохнув, согласилась Антонина.

– Мне нужен список друзей вашего сына, их адреса и телефоны.

– Друзей у Толи не так уж много было, – печально вздохнула Мерцалова, – да и имевшихся я бы не назвала друзьями.

– И тем не менее, – проговорила Мирослава.

– Ну что ж, двоих из них можно назвать друзьями, записывайте.

Мирослава записала все, что продиктовала Антонина Ивановна, и, повернувшись к ней лицом, сказала:

– Как я поняла из рассказа, у вашего сына было любвеобильное сердце...

– Если бы сердце, – обронила Мерцалова с нескрываемой горечью.

– Хорошо, не будем уточнять, что именно, но, Антонина Ивановна, продиктуйте мне, пожалуйста, все известные вам фамилии, адреса и телефоны девушек вашего сына.

– Я всех не знаю.

– Тех, что знаете.

– Клара, фамилию не знаю, – начала перечислять Мерцалова, – работает в модельном агентстве «Бим-Бим». Оксана, поет в кафе «Мимоза» под псевдонимом Вечерняя, Маша Цымлянская, известная как Матрена из хора «Кружевной платочек», Лера, журналистка из газеты «Для стильных девушек», актриса из нашего театра Вероника Хованская, Ка-

рина Доброшина, львица полусвета. И это все, остальных не знаю.

– Их было больше? – спросила Мирослава.

– Можете не сомневаться.

– А где телефон вашего сына? У следователя?

– Нет, он тоже о нем спрашивал. Мы вначале поисков думали, что по телефону полиция определит местонахождение Толи.

– Понятно, а бумажной записной книжки у вашего сына не было? – не надеясь на положительный ответ, спросила Мирослава.

– Нет, не было, а если и была, то мне о ней ничего не известно.

– Понятно...

– Мирослава! – Женщина схватила детектива за руку и, тут же смутившись своего порыва, отпустила ее. – Простите...

– Вы что-то хотели сказать?

– Я хотела вас попросить, пожалуйста, найдите того, кто убил моего сына, я не пожалею никаких денег!

– Мы постараемся найти преступника. Но, простите, что я спрашиваю вас об этом, вы исключаете, что это был несчастный случай?

Антонина покачала головой.

– Но ведь, насколько мне известно, следы борьбы отсутствуют. А вытолкнуть из машины здорового молодого муж-

чину не так-то легко. Он просто должен был сопротивляться.

– Я не знаю, что там произошло, – медленно проговорила Антонина Ивановна, – но что-то ужасное! Поверьте мне.

– Вам это подсказывает сердце?

– Не только. Я никогда не забуду выражение отвращения и ужаса на лице моего сына.

– Вот как? – спросила Мирослава, а про себя подумала, что Шура об этом не обмолвился ни словом.

– Да, я когда увидела его, то почувствовала, как у меня все волосы на голове зашевелились, не знаю, как я не упала в обморок.

– Ваш муж тоже это видел?

– Да, он первый, – кивнула Мерцалова, – поэтому не хотел меня пускать, говорил, что не надо на него смотреть, чтобы в памяти у меня сохранился образ живого сыночка. Но я настояла. – Антонина Ивановна прижала руки к глазам, и Мирослава увидела, как сквозь сомкнутые пальцы женщины слезы все-таки просочились.

Она протянула Мерцаловой бумажный платок и налила в стакан воды.

– Спасибо, я сейчас возьму себя в руки.

И женщина действительно сумела успокоиться через несколько минут. Мирослава оценила силу духа своей клиентки и поймала себя на том, что сочувствует не погибшему сыну, а оплакивающей его матери.

«Кажется, я очерствела на своей работе», – подумала она.

Через некоторое время, решив вопросы с гонораром и получив заполненный бланк договора от Мориса, Антонина Ивановна Мерцалова покинула детективное агентство.

* * *

Морис вошел в кабинет Мирославы, занял кресло, в котором совсем недавно сидела клиентка, и спросил:

– Ну что?

– Ничего, – отозвалась Мирослава, – дело как дело. Будем работать.

– Шуре скажете?

– А как же, мы за тесное сотрудничество с правоохранительными органами, – улыбнулась Мирослава. – Мы поможем следствию...

– А следствие поможет нам, – закончил за нее Миндаугас.

– Очень может быть...

– Я подобрал все, что можно было отыскать об обоих семействах – Духаниных и Мерцаловых, – Морис выложил перед ней распечатку, – посмотрите, может, что-то наведет вас на след.

– Ты незаменимый, – Мирослава бросила ему благодарный взгляд, – я пойду в сад и там приступлю к изучению.

– Если я вам пока не нужен, то пойду займусь ужином. Шура приедет или нет?

– Скорее всего, приедет. Но если и нет, то еда не пропадет,

уберем в холодильник и доедим завтра.

Он незаметно улыбнулся, ее неприхотливость в еде умиляла Мориса.

...Шура к ужину не подъехал. Позвонил и сказал, что его завалило... работой.

Вечер прошел тихо. О деле больше не обмолвились ни словом. Долго сидели на крыльце и смотрели на сад. Светлый день, укрывшийся в куще еще не распустившегося жасмина, сменил вечер...

Коралловый отблеск закатного солнца медленно заливал небо. Просвечивающаяся кое-где зелень дрожала прохладными брызгами зеркал и впитывалась более яркими красками, как впитывается живительная влага.

* * *

На следующий день Мирослава приступила к работе с утра пораньше. Первым делом она решила начать с друзей Мерцалова-младшего, оставив девичий список на потом.

Благо в списке друзей значились всего двое – Сергей Лобецкий и Гарик Ивашов.

Лобецкий был заведующим в магазине по продаже шуб «Золотое руно», принадлежащем его дяде.

Несмотря на то что Антонина Ивановна дала ей и адрес, и телефон Лобецкого, Мирослава решила подъехать в магазин, не предупреждая о своем визите.

Едва она вошла в зал, как к ней кинулись со всех ног сразу две молодые продавщицы. А ведь Волгина даже не посмотрела в сторону рядов с шубами, она не любила их с детства, и все равно с двух сторон защебетали девушки:

– Какую шубу вы желаете? Вот здесь у нас норка, есть ваш размер, там лиса, шиншилла, мутон...

– Стоп! – перебила Мирослава. – Мне нужен Сергей Игнатьевич Лобецкий и желательно не в виде шубы, а в натуральном обличье.

Девушки невольно хихикнули и указали на кабинет заведующего, даже не поинтересовавшись, кто она и зачем ей нужен их начальник.

Волгина двинулась в указанном направлении, миновала небольшой коридорчик и попала в закуток, в котором имелись две двери. На одной было написано «Бухгалтерия», а на второй – «Заведующий».

«Видимо, дядя Лобецкого был человеком старой закалки и шикарно обустроил только парадный вход, то есть сам демонстрационный зал с меховым товаром», – подумала Мирослава.

Она постучала в дверь и вошла. За компьютером сидел довольно симпатичный блондин и не сводил глаз с экрана. Он даже не обратил внимания на появившуюся в его кабинете посетительницу. Мирослава обошла стол и увидела, чем занят хозяин кабинета – в данный момент он преследовал какого-то монстра.

– Играем? – поинтересовалась Мирослава прямо над ухом парня.

– А?! – очнулся он и подпрыгнул на стуле.

Мирослава выключила компьютер.

– Что вы себе позволяете?! – возмутился он, скорчив обиженную физиономию.

– Вас дядя сюда назначил работать, за бизнесом приглядывать, прибыль увеличивать или в игры играть? – спросила она насмешливо хозяина кабинета.

– Вы кто вообще?! – вытаращил он на нее водянисто-серые глаза. – Как вы сюда попали?

– Отвечаю на ваши вопросы в порядке очередности: я детектив, – она сунула ему под нос удостоверение и тут же его захлопнула, – а вошла я сюда ножками вон через ту дверь.

– Так вы из полиции? – выдохнул он судорожно.

Мирослава не стала его разубеждать.

– И чего вам от меня надо? – нахмурился он.

– Вы в курсе, что погиб ваш друг Анатолий Мерцалов?

– В курсе. Но он же из машины вывалился?

– Возможно.

– И чего тут расследовать – либо пьяный был, либо с молодухой своей поцапался.

– Мерцалов часто злоупотреблял спиртным?

– Не знаю, что вы считаете злоупотреблением, пил, как и все.

– И за руль пьяный садился?

– А с кем такого не бывало?

– Но на этот раз за рулем сидел не он.

– Вот как, не знал. А кто, Тонька?

Мирослава пожала плечами.

– Я как чувствовал! – хлопнул ладонью по столу Лобецкий.

– Что чувствовали?

– Что женитьба Тольку до хорошего не доведет!

– Вот как?

– А то! Жил человек в свое удовольствие, так нет, стреножили.

– Кто же это его стреножил?

– Да старик его, кто же еще. Хотел, чтобы Толик остепенился, и грозил лишением наследства.

– Тяжелый случай.

– А я что говорю?! – вдохновился Лобецкий. – Не каждый человек создан для семейной жизни.

– Значит, Анатолий не был создан для нее?

– А я вам о чем уже битый час толкую?!

– Положим, мы беседуем всего несколько минут.

Лобецкий нетерпеливо отмахнулся:

– Я же в переносном смысле! Понимать надо!

– Понимаю. Значит, Мерцалов-младший жениться на Антонине Духаниной не хотел?

– Не могу сказать, чтобы он особо упирался. Тонька ему нравилась. А главное – подходила.

– В каком смысле подходила? – уточнила Мирослава.

– Если вы намекаете на физиологию, – хихикнул Лобецкий, – то разочарую вас, не знаю, как у них дело происходило в постели. Подходила она ему по капиталам. Вы знаете, кто ее папаша?

– В общем, да.

– То-то же.

– Значит, женился ваш друг все-таки по доброй воле, а не под дулом пистолета.

– Можно сказать и так, – вздохнул Лобецкий. – Толик все обдумал и решил, что дело это выгодное, в смысле его женитьба. А в удовольствии себе отказывать он не собирался.

– Сохранил прежние сердечные привязанности?

– Ой, ради бога, я вас умоляю, какие такие сердечные привязанности? – рассмеялся парень.

– То есть он перед свадьбой расстался со всеми своими прежними пассиями?

– Расстался, – легко подтвердил Сергей. – Толику неприятности не нужны были.

– Какие неприятности?

– После того как он начал ухаживать за Тонькой, ее отец взял под контроль личную, так сказать, жизнь Толика и предупредил его, чтобы он на стороне ни-ни. Чтобы Тонькины нервные клетки, не дай бог, не пострадали.

– Но вы сказали, что Анатолий не собирался лишать себя удовольствия.

– Конечно, не собирался, – согласился Лобецкий, – но не сразу после свадьбы. Прошло бы какое-то время, Духанин успокоился и оттащил бы своих ищеек от зятя.

– Вы уверены, что Духанин вел слежку за зятем?

– Ну, слежка – это, пожалуй, громко сказано. Просто отслеживал Толины контакты, контролировал, так сказать.

– Вы не знаете, Антонина Духанина – ревнивая девушка? Сергей задумался, потом покачал головой:

– Нет, ничего такого я за ней не замечал.

– Но вы намекнули, что причиной гибели Анатолия могла стать супружеская ссора.

– Да ничего я не намекал! – возмутился Лобецкий. – Просто в газетных заметках фигурировала какая-то сковорода, вот у меня с языка и сорвалось.

– Язык, как говорится, без костей, – констатировала Мирослава.

– Вот-вот! Люблю понимающих детективов, – усмехнулся Лобецкий и добавил: – Особенно женского пола.

Но взгляд, которым его одарила Мирослава, мгновенно сбил с него показное ухарство.

– Ладно, ладно, чего там, – пробурчал он себе под нос.

– Давайте уточним, господин Лобецкий, вы допускаете, что молодые могли поссориться и Анатолий, хлопнув дверью, отправился на ночь глядя искать более отзывчивую женскую душу?

– Нет, – помотал головой Лобецкий, – не допускаю. Толик

не дурак сразу после свадьбы портить отношения с тестем. Ведь он надеялся со временем прибрать к рукам и его бизнес.

– А это было возможно?

– Вполне, иначе зачем Толику жениться на Тоньке?!

– Мало ли...

– Мало ли, – передразнил Лобецкий сердито, – он и женился потому, что у Духаниных одна дочь. Родит Тонька детей, и все им отойдет. Это в перспективе. А пока они маленькие, рулить будет Толик.

– Рулил бы, – тут же поправился Сергей и тут же закручинился: – Жалко парня, и все эта чертова женитьба.

– Может быть, женитьба все-таки ни при чем? – наугад спросила Мирослава.

– Может, и ни при чем, – легко согласился Лобецкий.

– А могли Мерцалову-старшему таким образом отомстить конкуренты?

– Могли, конечно. Ему, кстати, грозили смертоубийством.

– Кто?

– Ой, не помню, как его зовут, кавказец какой-то. Он бизнес свой маленький наладил, а Мерцалов, акула ненасытная, проглотил его и не подавился.

– А не было ли среди девушек Мерцалова-младшего тех, с кем он расстался со скандалом?

– Ой. Да сколько угодно, – засмеялся Сергей, – он менял их как перчатки, они ж пачками на него висли.

– На вас, наверное, тоже девушки виснут гроздьями? –

спросила Мирослава.

– Увы, увy, – ответил Лобецкий.

– Отчего же?

– Во-первых, я не так хорош, как был Толик внешне, и куража у меня нет. А главное, таких денег, как у него были.

– Разве ваш отец не обеспечивает вас?

– Скажете тоже, отец, – усмехнулся Лобецкий и спросил: – Видали напротив моего кабинета бухгалтерию?

– Да.

– Так вот, там сидит мой отец. «Бухгалтер, милый мой бухгалтер», – дурашливо напел он. И добавил уже серьезно: – Деньги только у дяди. А он ими не раскидывается. И здесь я сижу только благодаря тому, что у дяди нет наследников. Так что мне можно надеяться, что когда-нибудь... – проговорил он многозначительно.

– В таком случае, – улыбнулась Мирослава, – вам нужно на работе не в игры играть, а работать. Иначе может найтись у вашего дяди и более трудолюбивый родственник.

– Да уж, – вздохнул Лобецкий, – но если бы вы знали, как я ненавижу эти шубы!

– Найдите себе другое занятие.

– А наследство?! – изумился Сергей.

Мирослава пожала плечами.

– Вам легко говорить, – обиделся он.

– Сергей, а вы знали всех девушек своего друга?

– Всех не всех, но многих. Мне одна из них даже нрави-

лась.

– Кто же, если не секрет?

– Светка Трегубова.

Мирослава быстро сообразила, что этой девушки нет в ее списке.

– Почему же вы не отбили ее у своего друга? – невинно поинтересовалась она.

– Как же, отобьешь у него. К тому же эта дуручка влюбилась в него по-настоящему. Просто места себе не находила.

– А он оставил ее так же, как и других?

– Гораздо быстрее. Светка была совсем не в его вкусе.

– Почему?

– Потому, что она не певица, не актриса, не модель, не стриптизерша. Толику нравились такие вот творческие личности. – Сергей горько усмехнулся.

– А чем занимается Света?

– Музыку в школе преподает, с малышкой возится.

– Как же они познакомились?

– Она стояла на остановке, он ехал мимо и нечаянно окатил ее водой из лужи. Не знаю, что заставило его затормозить, но он остановился, подвез ее домой. Так у них все закрутилось, а через месяц и завершилось.

– Вроде бы преподавание музыки – это творческий процесс.

– Может, и творческий, но она для него слишком проста...

– А для вас?

– А для меня в самый раз, – ответил он вызывающе.

– Так теперь ее сердце свободно. Дерзайте.

– Может, и дерзну, но позже. Надо дать девушке время успокоиться, чтобы все это устаканилось.

– Мне нужен адрес Светланы Трегубовой.

– А если я его вам не дам? – спросил он с вызовом.

– То я его все равно узнаю. А у вас могут возникнуть неприятности с полицией.

– Черт! Хорошо. – Он назвал адрес девушки и добавил: – Только учтите, она ни в чем не виновата.

Следующим Мирослава навестила Гарика Ивашова. Временно безработного... Гарик считал себя гениальным и, естественно, непризнанным художником.

Родители давно махнули на него рукой и возложили все надежды на младшую сестру Гарика Капитолину Ивашову, которая и занималась бизнесом вместе с родителями.

А Гарик находился то в депрессии, то в загуле, то в творческом поиске. В настоящее время он только что вышел из загула и приподнял ногу, чтобы поставить ее на первую ступень творческого поиска. Он даже начал натягивать холст на подрамник, как звонок в дверь прервал его занятие.

– Ну кто там еще, – ворчал он, открывая дверь.

Увидев на пороге высокую русоволосую девушку, он почесал пятерней в затылке и сказал:

– Привет.

– Привет, – отозвалась Мирослава.

– А вы кто?

– Детектив Мирослава Волгина. – Она развернула перед ним удостоверение.

Но Гарик не стал вникать в тонкости написанного там, вместо этого он проворчал:

– И чего полиции от меня понадобилось?

– Ну...

– Если я чего-то разбил в ресторане, я оплачу, – быстро сказал он, – а если вы будете утверждать, что я кого-то покалечил, то не поверю.

– Почему? – Мирославе удалось скрыть улыбку.

– Потому что я не буйный. Я вообще интеллигент, даже не знаю в каком поколении. Мой дед был врачом, прадед учителем, прапрадед священником...

– Но ваш отец, – прервала его Мирослава.

– Отец торговец, – вздохнул Гарик, – но сейчас вся страна торгует.

– Предположим, не вся. Впрочем, это неважно. Можно мне войти или будем разговаривать на пороге?

– Ой, блин, вы меня заговорили, и я забыл о приличиях, проходите, конечно.

Мирослава прошла вслед за хозяином в квартиру, длинный коридор привел их в студию, которая служила Гарику и кухней, и спальней, и гостиной, и мастерской.

– Нравится? – с гордостью спросил Ивашов.

Мирослава любила, когда каждая комната имела свое собственное предназначение, но огорчать хозяина ей не хотелось, поэтому она ответила уклончиво:

– Довольно мило.

– Вот! – обрадовался Гарик. – Садитесь на диван, сейчас я притащу чай и съестное.

– Спасибо, я не голодна.

– Все равно не отвертитесь от русского гостеприимства.

– Ладно, несите, – махнула рукой Мирослава.

Вскоре Гарик набросал на столик еды из холодильника, открыл упаковки, нарезал сыр, колбасу, хлеб, грохнул целую миску красной икры, свалил в кучу помидоры, огурцы, яблоки, груши, персики, насыпал на блюдо клубнику и черешню.

Заварил чай в пакетиках и удовлетворенно плюхнулся на диван рядом с Мирославой.

Детектив, чтобы не огорчать хозяина, отхлебнула глоток чая, который больше напоминал компот.

Гарик сделал себе толстенный бутерброд и принялся с аппетитом его уминать.

– Да, простите, – проговорил он с набитым ртом, – спиртного нет, все, что было, я выпил, а теперь у меня начинается творческий поиск, и я не пью.

Мирослава кивнула и взяла персик.

– Гарик, я хочу успокоить вас, мне ничего не известно про ваши дебоши.

– Во как?! А чего же вы тогда пришли?

– Я хочу поговорить с вами об Анатолии Мерцалове.

– О Толике? – улыбнулся Ивашов. – А что он такое натворил?

Мирослава пристально посмотрела ему в лицо.

– Вы извините, – смутился Гарик, – я тут выпадал из реальности, только вчера к вечеру начал очухиваться после, как бы это выразиться покультурнее, ну пил я, поэтому многое пропустил.

– Понятно. Анатолия Мерцалова убили два дня назад.

– О как! – ошарашенно выдохнул Гарик. – И кто?

– Это пока не установлено. Вы не знаете, кто мог желать Анатолию смерти?

– Нет, – покачал головой искренне опечаленный парень.

– Вы не знаете, ему никто не угрожал?

– Угрожать-то угрожали, но это так, одни глупости.

– Почему вы так думаете?

– Потому, что это бабы. Толик неумный был и непостоянный.

– Вы лично слышали угрозы?

– Да, как-то Каринка ему даже рожу поцарапала, извините, лицо.

– Это та, что светская львица.

Гарик не удержался и хихикнул.

– Могла ли она совершить убийство?

– Могла, если бы сгоряча графином ему по башке засве-

тила, но графин у нее отняли. А сейчас ей уже нет смысла Толика убивать.

– Почему?

– У нее новый кошелек и понадежнее Толика.

– А другие женщины?

– Да что другие, – махнул Гарик рукой, – проорутся и успокоятся. Правда, Толик хвастал, что Светка так влюбилась в него, что когда он ее бросил, наняла кого-то, чтобы за ним следить.

– Так, так, это уже интересно. А что вы можете сказать об этой Свете?

– Ну, она девушка в общем-то порядочная, ну вы меня понимаете, не профурсетка. Однако угораздило ее влюбиться в Толика как кошка. Она, видите ли, думала, что у Толика все серьезно и он женится на ней. Надо же так не разбираться в людях, – Гарик укоризненно покачал головой, – а еще музыкальный работник называется.

Мирослава снова едва сдержала улыбку.

– Значит, вам Света нравится? – уточнила она.

– Да, хороший человек.

– А как женщина?

– В смысле? – удивился Гарик.

– Вы бы не хотели, чтобы она была вашей девушкой?

– Еще чего! – махнул на нее сразу двумя руками искренне удивленный Гарик.

– Нет так нет, – вздохнула Мирослава.

– Ну, вы этого того, – погрозил ей пальцем Ивашов, – не вздумайте убийство на Светку повесить! Она его не убивала.

– Почему вы так думаете?

– Психологию надо изучать, – брякнул он сердито, – Светка не убийца.

– Хорошо, мы учтем ваше мнение. А как вы относитесь к Антонине Духаниной?

– Нормальная девка.

– В смысле?

– Да какой там смысл. Папа у нее богатый, и Мерцаловым такая сноха подходила.

– А Анатолию подходила такая жена?

– Вполне. И деньги есть, и не крокодил, и любит его без памяти. Короче, идеальная кандидатура.

– А Анатолий испытывал к Антонине хоть какие-то чувства?

– Конечно, испытывал, – вступился за друга Гарик.

– Какие?

– Она не была ему противна, – заявил он абсолютно серьезно.

– Спасибо вам за помощь и угощение, – сказала Мирослава и направилась к выходу.

– Чего это вы так быстро уходите, – проворчал Ивашов, – посидели бы еще. Мы же с вами даже не поговорили про живопись.

– Как-нибудь в другой раз, – улыбнулась, обернувшись к

нему на миг, Мирослава.

– В другой так в другой, – вздохнул Ивашов, – надумаете, заходите. А я сейчас и сам уйду из дома.

– Куда? – спросила Мирослава небрежно.

– Как куда?! – удивился Гарик. – К Толику.

– Туда не надо торопиться...

– Я не в этом смысле, – смутился Гарик, – к родителям его.

Он у них один был. Представляю, как Антонина Ивановна убивается.

– Вы хорошо знаете мать Толика?

– А то, с детства. У нас и дачи рядом.

– До свидания, – сказала Мирослава и, переступив порог, оглянулась на закрывающего дверь Ивашова. У него был вид искренне расстроенного человека.

Она спустилась вниз и увидела мальчишек, крутящихся возле ее «Волги». Но никакого ущерба автомобилю нанесено не было.

– Теть, а теть, – подошел к ней рыжий вихрастый паренек.

Мирослава вопросительно посмотрела на него.

– Мы тут с пацанами поспорили, у вас машина раритетная?

Мирослава улыбнулась:

– Не совсем так. Она досталась мне от деда. А он получил ее в награду за службу.

– А где он служил?

– В милиции. Но это было давно и в стране, которой боль-

ше нет, – грустно проговорила Волгина.

– А я знаю, это был Советский Союз. Мои бабушки и дедушки в нем родились.

– А машина у вас клевая, – одобрил осмелевший смуглый парень азиатской внешности.

– Мне тоже нравится, – улыбнулась Мирослава и хлопнула паренька по плечу. Она уже почти забралась в салон, как вдруг оглянулась и крикнула:

– Ребята, кто хочет прокатиться?

– Я, я, я! – раздалось сразу несколько голосов.

– Ладно, садитесь на заднее сиденье.

На заднее все не поместились, двое устроились рядом с водителем.

«Эх, до первого поста», – подумала Мирослава, выехала из двора и, решив не рисковать, объехала два раза вокруг дома.

– Круто! – загалдели мальчишки хором.

Мирослава не стала просвещать их, что начинка у «Волги» от современного мощного авто. Она высадила ребят возле арки, пожелала всего хорошего и умчалась прочь.

Светлану Трегубову она нашла в музыкальной школе. У нее шли занятия, и заведующая, которую вызвал охранник, внимательно изучила удостоверение Мирославы, справилась даже о лицензии. Волгина предложила ей позвонить следователю, но она отказалась, сказав, что узнала достаточно.

Заведующую звали Марией Петровной, и Мирослава не сомневалась, что дама была глубоко послепенсионного возраста. Мария Петровна предложила детективу подождать Трегубову, которую она называла Светочкой, в ее кабинете.

Волгина не стала возражать, села на мягкий диван и расслабилась, давая себе отдохнуть. Однако Мария Петровна вскоре нарушила ее релаксацию, задав мучавший ее с самого начала вопрос:

– А у следствия есть к Светочке какие-то вопросы?

– Весьма незначительные, – улыбнулась Мирослава, – просто хочу спросить ее об одном знакомом.

– Уж не о Мерцалове ли младшем? – подозрительно спросила заведующая.

– А вы что-нибудь о нем знаете? – вопросом на вопрос ответила Мирослава.

– Только то, что писали в прессе, – фыркнула Мария Петровна.

– Понятно...

– Ничего вам не понятно! – неожиданно вспылила заведующая. – А вы знаете, что он Светочке прохода не давал?!

– Он ей?!

– Ну не она же ему! – сердито всплеснула руками Мария Петровна.

– А почему вы так решили?

– Потому, что у меня есть глаза и уши! Если вам мало только моего свидетельства, спросите других педагогов! Все

видели, как этот наглец, хоть о покойных и не принято говорить плохо, преследовал нашу Светочку и даже угрожал ей.

– Вот как?!

– Да! Агриппина Павловна, это наш завхоз, шла месяца полтора назад по школьному двору и увидела, как этот мерзавец пытается затащить нашу Светочку в свою машину.

– И что?

– Как что?!

– Я хотела спросить, поехала с ним Светлана или нет?

– Естественно, нет! Агриппина Павловна пресекла это безобразие на корню!

– Каким образом? – стараясь оставаться предельно серьезной, спросила Мирослава.

– Лягнула его куда следует, он и думать обо всем забыл, кроме своего хозяйства.

– Круто, – одобрила детектив.

– Еще бы! Между прочим, наша Агриппина Павловна до того, как уйти на пенсию и устроиться к нам, оттрубила 25 лет в милиции, занимаясь несовершеннолетними преступниками. Уж она-то знает, как с хулиганами обращаться.

– Думаю, что Мерцалов был совершеннолетним.

– Это дела не меняет.

– А после экзекуции он продолжал досаждать Трегубовой?

– Света ничего об этом не говорила, – вздохнула заведующая.

Зазвенел звонок. Мария Петровна встала, сняла ключ.

– Светочка придет, и вы поговорите в 28-м кабинете, там сейчас никого нет.

И тут же в кабинет вошла невысокая, стройная девушка в строгом темно-синем костюме, с зачесанными наверх и стянутыми в узел каштановыми волосами.

– Света, это к тебе, – сказала заведующая, – детектив Мирослава Волгина.

– Детектив? Ко мне? – спросила растерянно девушка и устремила на Мирославу вопрошающий взгляд своих темно-карих глаз.

– Мы могли бы с вами поговорить? – спросила детектив.

– Конечно, – ответила вместо Трегубовой заведующая и сунула в руку последней ключ, – Света, там вам никто не помешает.

– Спасибо, Мария Петровна, – тихо ответила девушка.

– Ничего не бойся. Мы с тобой.

– Я и не боюсь, – отозвалась Светлана и с видом приговоренного двинулась к двери.

Мирослава последовала за ней. Они вошли в пустой кабинет и сели напротив друг друга.

– Вы, наверное, знаете, что Мерцалов убит? – спросила Волгина.

– Да, я читала, но я его не убивала.

– Никто этого и не утверждает.

– Это вы теперь так говорите, а подозрение упадет на ме-

ня.

– Почему вы так решили?

– Когда у нас с Толей начались ссоры, он стал распускать слухи среди своих друзей, что я бегаю за ним и даже угрожаю ему.

– Я тоже слышала, что будто бы вы наняли детектива следить за ним.

– Я? За ним следила? Да я рада, что насилу отвязалась от него!

– Почему? Вроде бы такой перспективный жених...

– Это Толя Мерцалов перспективный?

– Разве нет?

– Нет! – Трегубова стукнула ребром ладони по столу. – Я не спорю, что у него богатый отец и все такое, но это не значит, что нормальная девушка могла бы быть с ним счастлива.

– А что именно вас в нем не устраивало?

– Он пытался контролировать каждый мой шаг! Требовал отчета и хотел, чтобы я жила только его интересами. Так скажите на милость, зачем мне этот патриархаровец?!

Мирослава едва не расхохоталась, но заставила себя остаться серьезной.

– Он вел себя так с самого начала? – спросила она девушку.

– Нет, некоторое время он мило ухаживал. Дарил цветы, конфеты, водил в театр...

– А потом?

– А потом, – Светлана глубоко вздохнула, – я сделала глупость.

– Какую?

– Легла с ним в постель.

– Но рано или поздно мы все делаем эту глупость...

– Да, конечно. Но у нас разлад в отношениях начался с утра после той ночи. Толя решил, что теперь я его частная собственность и мне была отведена роль бессловесной рабыни.

– Которая вас не устроила?

– Естественно!

– И вы предложили расстаться?

– Да. Я сказала, что мы совершенно не подходим друг другу.

– А он?

– Сначала подшучивал над моей строптивостью, грозился меня укротить. Потом стал угрожать всерьез. А однажды попытался похитить меня прямо возле школы.

– Вы заявили в полицию?

– Нет. – Девушка покачала головой и вздохнула.

– Но почему?

– Что бы я там сказала?

– То, что произошло на самом деле. Тем более у вас был свидетель.

– Мария Петровна вас уже просветила, – грустно улыбнулась Трегубова.

– Так почему же вы все-таки не пошли в полицию?

– Честно?

– Разумеется.

– Духу не хватило.

– Понимаю.

– Но, по-видимому, за Мерцаловым кто-то все-таки следил?

– Кому он нужен!

– Хотела бы я это знать.

– Все это только его выдумки.

– Однако кто-то все-таки убил его.

– Он мог выпасть из машины сам, если был пьян.

– Мог, но в его крови не обнаружено алкоголя.

– Я больше ничего не знаю, – тихо проговорила Светлана.

– Что ж, спасибо за то, что поговорили со мной.

– Пожалуйста. – Девушка повела плечами и поднялась.

Солнце не спеша двигалось на запад по голубому полю, незаметно удлинялись тени.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказала сама себе Мирослава, оказавшись за рулем своей «Волги», и свернула в сторону шоссе, ведущего в коттеджный поселок.

Вернувшись домой, Мирослава застала живописную картину – на крыльце сидели Миндаугас, читавший книгу, Шура, листающий какие-то газеты и прихлебывающий чай из огромной чашки, и растянувшийся посередине кот Дон.

– Три девицы под окном, – пробормотала Мирослава вме-

сто приветствия.

– Никакие мы не девицы, мы три молодца, – на полном серьезе поправил ее Наполеонов.

Мирослава фыркнула и сказала:

– Ну я понимаю, что здесь делают Морис и Дон, а ты-то почему не на работе?

– Мой рабочий день закончился, и я имею право на отдых, – сделал вид, что обиделся, Шура.

– На отдых право ты, конечно, имеешь, но рабочий день у тебя ненормированный. Что, со всеми делами управился?

– Не нападай, – миролюбиво проговорил Наполеонов, – сама знаешь, что всех дел никогда не переделать.

Волгина кивнула и устремила взгляд, полный надежды, на Миндаугаса.

– Морис, у нас в доме найдутся хотя бы три корочки хлеба? Я умираю от голода.

– Ужин готов, – ответил он просто.

– Вот-вот, накорми ее, а то она от голода на старых друзей бросается.

– Где будем есть? На веранде или в столовой?

– Мне все равно, я только быстро под душем ополоснусь.

– Шура, – позвал Морис, – идем.

– Куда? – моргнул тот пару раз.

– Поможешь мне перенести все на веранду.

– Эх, нет мне покоя, все так и норовят меня поэксплуатировать, – проворчал тот, поднимаясь на ноги.

Когда Мирослава вышла на веранду, к ужину все уже было готово.

– Как хорошо, мальчики, – проговорила она, усаживаясь в плетеное кресло и вытягивая с удовольствием ноги.

Дон, не торопясь дожевавший кусочек отбивной, недолго думая, запрыгнул на кресло, стоящее рядом с креслом Мирославы, и стал вылизывать свою длинную шерсть.

Первое блюдо и салат съели молча, а когда принялись за десерт, Наполеонов не выдержал:

– Правда, что мать Мерцалова наняла вас?

Мирослава бросила быстрый взгляд на Миндаугаса, тот покачал головой.

– Не беспокойся, не от него информация. Мне сама Мерцалова сказала.

– Вот как?

– Вероятно, решила, что работающий параллельно детектив подстегнет усердие полиции.

– Все может быть, – улынулась Мирослава.

– Ей еще и весело, – проворчал Шура, – а я зашиваюсь.

– Шур, ну у вас же возможностей для расследования больше.

– Это и так, и не так одновременно, – ответил Наполеонов, намекая на то, что Волгина сама когда-то пусть и недолго, но работала следователем и ей вся кухня была известна.

Мирослава кивнула, но Наполеонов не был уверен в том, что кивнула она в знак согласия с его трудностями, однако

уточнять не стал.

– И ты примчался, чтобы узнать, что я сегодня принесла в клювике? – окинула она его лукавым взглядом.

– Я знаю, что ты сразу приступаешь к делу, как только заключен с клиентом договор, – не стал отпираться он.

– Ладно, пользуйся моей добротой, – с притворным сожалением вздохнула Волгина.

Шура положил себе на тарелку еще один кусочек пирога и весь превратился во внимание.

– Сегодня я познакомилась с двумя наиболее близкими друзьями Анатолия Мерцалова. И как я предполагаю, – задумчиво добавила она, – других у него и не было.

– И что? – от нетерпения Шура заерзал на кресле.

– Понимаете, мальчики, какая интересная вещь, оба парня уверены, что за Мерцаловым бегала одна девушка, просто проходу ему не давала и даже устроила за ним слежку.

– Если у девушки есть деньги, она могла так поступить, – осторожно заметил молчавший до этого Морис.

– Возможно, но я думаю, что у этой девушки нет лишних денег. Она преподает детям музыку.

– Тогда точно нет, – согласился Наполеонов.

– Но дело даже не в деньгах, сама девушка и ее босс утверждают, что все было с точностью до наоборот.

– То есть?

– Это Мерцалов преследовал девушку, не давал ей прохода и даже пытался похитить ее.

Шура присвистнул и спросил:

– А девица не может сочинять?

– Я так не думаю. К тому же есть свидетели попытки ее похищения. А о преследованиях девушки Мерцаловым знали практически все ее коллеги.

– Они подтвердили это?

– Я пока ни с кем из них не разговаривала, кроме директора школы. Именно она меня сначала обо всем этом проинформировала, а потом я уже узнала то же самое от самой девушки.

– Но перепроверить все-таки не мешает, – задумчиво проговорил Наполеонов.

– При необходимости сделать это несложно. Но я уверена, что девушка и директор школы говорили правду.

– Нестыковочка получается, друзья Мерцалова говорят одно, а сослуживцы Треуховой и она сама – другое.

– Я бы поверил последним... – обронил Морис.

– Почему? С какой стати Мерцалову придумывать всю эту историю?

– Наверное, девушка не захотела с ним встречаться? – спросил Морис.

– Да, все началось после того, как она дала ему от ворот поворот.

– Ну вот, все понятно.

– Что тебе понятно?

– Что друзьям Мерцалов врал, чтобы залечить свое трав-

мированное самолюбие.

– Думаешь?

– Уверен.

– Мачо, привыкший получать все, что желает, рассвирепел и начал пускать дым из ноздрей и рыть землю копытом.

– Типа того, – согласилась Мирослава, невольно улыбнувшись оригинальному сравнению Мориса.

– Я вот только не понимаю, – проговорил Шура, – зачем Мерцалов преследовал девушку, если собирался жениться?

– Экий ты у нас несовременный, – усмехнулась Мирослава, – класс любовниц у нас еще никто не отменял.

– Возможно, возможно, но ты, наверное, не знаешь, кто у нас папа невесты Мерцалова.

– Владелец сети магазинов...

– А кем он был в 90-е годы?

– Этим я и вправду не интересовалась.

– Вот, – Шура постучал пальцем по столу, – а если бы поинтересовалась, то не была бы так уверена в возможностях Толика гулять налево от молодой жены.

– Я так думаю, что Мерцалов-младший был рискованным парнишкой и чересчур любвеобильным.

– Так может, его тещушка и успокоил?

– Сомневаюсь.

– Это еще почему?

– Анатолий просто не успел за столь короткий срок наследить в своей супружеской биографии.

– А эта девушка?

– После того как ему помешали ее похитить, они больше не виделись.

– Но насколько я понимаю, Мерцалов-младший продолжал уверять своих друзей, что она его преследует и следит за ним?

Мирослава кивнула.

– Но кто-то же за ним следил?

Волгина кивнула и проговорила задумчиво:

– Тут два варианта – либо он все сочинял, красуясь перед друзьями, либо за ним действительно кто-то следил, но не Светлана.

– За ним мог следить будущий тесть перед свадьбой.

– Мог, но думаю, что у Духанина имелись в распоряжении спецы слежки, которых Анатолий просто не мог засечь. А если он заметил слежку, значит, следил кто-то менее опытный...

– И кто это мог быть?

– Пока не знаю...

На минуту или две на веранде воцарилась тишина. Было только слышно, как мурлычет Дон и как шумят ветки деревьев в саду.

– Меня еще кое-что смущает, – проговорила Мирослава.

– Что? – быстро спросил Шура.

– Я попросила Мерцалову помочь мне составить список пассий ее сына, и она продиктовала имена, адреса и теле-

фоны. Правда, предупредила, что знает не всех. И все-таки странно, что она ничего не знала об этой девушке.

– Ну, мало ли...

– Друзьям своим Мерцалов рассказывал о ней настойчиво и часто. Оба были с ней лично знакомы.

– Друзья и мать – это разные вещи, – заметил Шура.

– Согласна, но все же, если он рассказывал ей о других девушках...

– Кстати, – заговорил Морис, – я вообще не понимаю, зачем он рассказывал матери обо всех своих любовницах?

Шура пожал плечами.

– Она могла узнать о них и не от сына, – проговорила Мирослава, – насколько я поняла, Антонина Ивановна очень беспокоилась и переживала за своего Толика и, скорее всего, была в курсе его, не могу сказать сердечных, правильнее постельных дел.

– Тоже следила за ним? – воскликнул Наполеонов.

– Необязательно, ее могли информировать их общие знакомые...

– Составляли ей донесения.

– Не утрируй. Информацию можно получить незаметно, просто умело разговорив собеседника на интересующую тему.

– Она настолько умна?

– А ты не заметил?

– Как тебе сказать, – вздохнул Наполеонов, – Мерцалова

не производит впечатление дуры. Но когда я с ней разговаривал, она оба раза выглядела буквально убитой горем.

– Что неувидительно.

– А ты не собираешься уточнить у нее информацию об этой девушке?

– Собираюсь.

– Надеюсь, ты дашь мне имена и адреса, которые получила у Мерцаловой?

– Пока нет, – отрезала Мирослава.

– Как так?! – подпрыгнул в кресле следователь. – Разве детективы не должны сотрудничать с полицией?!

– Мы и так с тобой сотрудничаем, но я не хочу, чтобы твои люди наводили шухер раньше времени.

– Это ты так о полиции?!

– Успокойся. Вы же сейчас, насколько я понимаю, отрабатываете версию о происках конкурентов?

– Ну, отрабатываем.

– Вот и работайте. Сам же жаловался, что людей не хватает. А мы с Морисом поработаем над своей версией и, как только потянем за ниточку, проинформируем следствие.

Наполеонов молча смотрел куда-то в сторону.

Мирослава дотронулась до его руки:

– Шур, не дуйся, ты же сам понимаешь, что это разумно.

– Ладно, – вздохнул следователь, – твоя взяла. И тут же, не удержавшись, высказался: – Ты с детства вьешь из меня веревки!

– Не из тебя одного, – весело рассмеялась она.

– Кстати, – спросил он, – от Витьки давно нет весточки?

– Уже больше месяца, – вздохнула погрузневшая Мирослава.

– Ну, значит, занят делом, – похлопал Шура ободряюще подругу по руке.

– Значит, – согласилась она.

Морис знал, что Виктор Романенко был двоюродным братом Мирославы, сыном ее тети Заи, и служил где-то там, непонятно где. Шура был и его другом детства. Вернее, дружили они вчетвером – Мирослава, Виктор, Шура и Люся.

Вот как раз о Люсе Морис вспоминать не любил, а тем более на ночь глядя...

– Скажи хотя бы, какая у тебя версия? – вернулся Наполеонов к интересующей его теме.

– В том-то и дело, что пока у нас нет никакой версии. Я просто пытаюсь разобрать свалывшийся клубок событий, характеров и взаимоотношений...

– И долго ты его будешь разбирать?

– Шур, ну что ты как маленький. Как получится.

– А завтра что ты собираешься делать?

– Отработать девичий список или часть его. Сколько удастся.

– Список длинный?

– Пока в нем шесть имен. Появятся ли новые, не знаю.

– Ладно, отработывай, – вздохнул Шура.

– Спасибо тебе, мой золотенький, что разрешил. – Мирослава чмокнула Шуру в макушку.

Он немного попыхтел и налил себе еще чаю.

– Пирог принести? Там еще половина осталась, – спросил Морис.

– Нет, не надо, – вздохнул Наполеонов, – а то я лопну.

– Мы тебя зашьем, – беспечно утешила его Мирослава.

– И это называется подруга детства, – сокрушенно вздохнул Шура, – никакого сочувствия, сострадания, одни насмешки.

– Слушай, Морис, – обратился он к Миндаугасу, – ты не заметил, что женщины с каждым годом становятся все более жесткими, точно при их изготовлении все больше металла добавляют. Где милосердие, нежность?!

– Эмансипация, – усмехнулся Морис.

– Ну и чему ты радуешься?!

– Шура, я просто воспринимаю жизнь такой, как она есть. Мы с тобой не можем переделать современных женщин, так чего зря стулья ломать?

– Умные вы все больно.

– Не прибедряйся, – сказала Мирослава, – тебя бог тоже умом не обидел.

– А еще я добрый, – сказал Шура, – нежный, благородный.

– Морис, посмотри, – попросила Мирослава, – у него там сыр из клюва не выпал?

Все невольно рассмеялись, Наполеонов в том числе.

И лишь Дон недовольно дернул хвостом. Действительно, сколько можно шуметь? Кот прыгнул с кресла и удалился в сад, уже погрузившийся в посеребренную круторогим месяцем темноту.

На этом их вечерние посиделки закончились, и все трое рано разбрелись по своим комнатам. Впрочем, Шура сначала хотел уехать домой, но потом все-таки остался ночевать, позвонив своей матери, давно привыкшей к тому, что Наполеонов часто остается в доме Волгиной.

Глава 4

Когда Мирослава на следующее утро спустилась к завтраку, Наполеонов уже уехал, и они тихо, мирно позавтракали вдвоем с Морисом, убрали со стола и отправились в агентство.

Волгина составила список материалов, которые надо было отыскать в связи с расследуемым делом в интернете, и уехала знакомиться с бывшими девушками Анатолия Мерцалова.

Первой она решила навестить Клару, поэтому остановила автомобиль возле модельного агентства «Бим-Бим» еще до того, как оно начало свою работу, и наблюдала за всеми прибывающими.

Спустя час, когда работа в агентстве уже кипела, Волгина предъявила охраннику свое удостоверение. Тот позвонил владелице агентства и, только получив ее разрешение, пропустил детектива в местный храм моды. Мирослава, следуя его указаниям, поднялась по лестнице на второй этаж и постучала в дверь, на которой красовалась табличка «Генеральный директор модельного агентства „Бим-Бим“ Штурлина Елена Георгиевна».

– Да, – донеслось из-за двери, и Волгина вошла. На полминуты она задержалась в дверях, окинула кабинет и его владелицу взглядом, прошла к массивному на вид столу и села напротив хозяйки, не дожидаясь приглашения.

Штурлина тоже в свою очередь внимательно изучала посетительницу. Волгина достала удостоверение.

– Не надо, – отмахнулась хозяйка кабинета, – Володя сказал, что вы частный детектив, а не сотрудник полиции.

– Верно. Но тем не менее наше детективное агентство тесно сотрудничает с полицией.

– Верю, – усмехнулась та, – у меня есть знакомые, которые в разное время обращались к вам за помощью. – Темно-карие глаза Елены Георгиевны буквально впились в серо-зеленые глаза детектива. Мирослава спокойно выдержала этот взгляд. – И должна признать, – продолжила Штурлина, – что никто из них не был разочарован.

– Рада это слышать, – отозвалась Волгина.

– Но, насколько мне известно, – Штурлина выдержала паузу, – никто из моих сотрудников за помощью к вам не обращался.

– Верно, – согласилась Мирослава, – я сама пришла за помощью к вам, вернее, к одной из ваших сотрудниц.

– Хотите получить мое разрешение? – скептически улыбнулась Штурлина.

– Почему бы и нет, – отозвалась Мирослава.

– Ну, ну, вы ведь вполне могли поговорить с тем, кто вам нужен, вне стен агентства.

– Могла, – кивнула Волгина.

– Понимаю, – проговорила, продолжая улыбаться, владелица агентства, – хотели удостовериться, что «Бим-Бим» не

шарашкина контора и не бордель.

– Возможно, – улыбнулась Мирослава.

– Ну, так что, выводы уже сделаны или еще нет?

– Еще нет, – честно призналась Волгина.

– А вы мне нравитесь, – неожиданно расхохоталась Елена Георгиевна, – хорошо, выкладывайте, кто вам нужен.

– Я хотела поговорить с вашей Кларой Хоботковой.

– И в чем Кларочка замешана?

– Скорее всего, ни в чем. Просто она встречалась с недавно убитым Мерцаловым-младшим, и я хотела бы узнать, почему они расстались. Возможно, она что-то расскажет мне о нем самом.

– Почему они расстались, я вам сама скажу, – повела плечами Штурлина, – Анатолий бросил нашу Клару. Я своим девочкам как мать и предупреждала ее, что он несусветный бабник и рассчитывать на него не стоит. Но бедная девочка влюбилась и ничего плохого про своего Толика слышать не желала.

– А вы близко знаете Мерцаловых?

– Если вы имеете в виду, дружим ли мы домами, то нет, но земля слухом полнится. И несмотря на то что мы живем в мегаполисе, все одно, что в деревне, все всё обо всех знают. Я имею в виду так называемые сливки общества. – Заметив веселые искорки в глазах Мирославы, она кивнула: – Ну да, для вас элита – люди науки и высокого искусства, а люди типа Мерцаловых, какими бы они ни ворочали деньгами, всего

лишь торгоши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.